

УДК 908(Кем.):33

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОБОСТРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОБСТАНОВКИ В КУЗБАССЕ ВО ВРЕМЯ КРИЗИСА 1998 ГОДА

И.С. Соловенко

Юргинский технологический институт (филиал) ТПУ

E-mail: igs-71@rambler.ru

Показан один из драматических этапов в экономической истории Кузбасса. Выделены общие и особенные проблемы экономики шахтёрского края, их влияние на социальную и политическую сферу. Обращается внимание на тесную связь между ухудшением социально-экономического положения и ростом протестных выступлений трудящихся и пенсионеров Кузбасса в 1998 г.

Ключевые слова:*Кузбасс, экономический кризис 1998 г., рост социальной напряжённости.***Key words:***Kuznetsk Basin, economic crisis of 1998, increase of social strain.*

Современные трудности в отечественной экономике активизировали внимание исследователей к исторической сущности и взаимосвязи с событиями предыдущего финансово-экономического кризиса, который имел место в 1998 г. Вполне убедительно по этому поводу высказал свою позицию известный российский учёный-экономист А. Навой. По его мнению, кризис в нашей стране в большей мере носит системный воспроизводственный характер, а разразившийся глобальный финансовый кризис лишь приблизил его острую фазу. При этом общее состояние отечественной промышленности по сравнению с 1998 г., к сожалению, ухудшилось [1. С. 24]. Таким образом, на наш взгляд, не все уроки предыдущего финансово-экономического кризиса были учтены в стратегии развития Российской Федерации в период последнего десятилетия. Важность этих уроков особенно актуальна для индустриально развитых регионов страны, каким например, является Кузбасс.

В начале 1998 г., в связи с начавшимся финансовым кризисом за рубежом, резко упали мировые цены на многие виды экспортного сырья из России. В результате экспорт из страны снизился на 17 %, а импорт вырос на 20 %. Сокращался государственный бюджет, не решались многочисленные проблем экономики и социальной сферы, за границу уезжали квалифицированные специалисты и учёные, внутренний и внешний долг России в этом году достиг 500 млрд USD. На погашение государственных долгов выделялось около трети федерального бюджета. Чтобы пополнить бюджет Правительство приступило к распространению выпускаемых под очень высокие проценты краткосрочных государственных казначейских обязательств (ГКО) и облигаций федерального займа (ОФЗ). Это была государственная афера, так как долги по ГКО-ОФЗ составляли до 60 % всех налоговых поступлений в бюджет. Весной 1998 г. пирамида ГКО-ОФЗ всё слабее компенсировала продолжавшееся ухудшение макроэкономических показателей России, душила реальный сектор экономики, ненасытно требуя выплаты грабительских процентов.

В наиболее сложном положении оказались регионы, ориентированные на рынок сырья среди которых был и Кузбасс. Обстановка осложнялась тем, что в числе наиболее уязвимых сегментов хозяйства страны оказалась не только угольная отрасль, но и другие базовые отрасли экономики Кузбасса: химическая промышленность, металлургия, предприятия военно-промышленного комплекса, машиностроение. В регионе только в 1998 г. на 387 единиц уменьшилось количество промышленных предприятий [2. С. 430], а число убыточных достигло 51 % (по отдельным отраслям – 65...80 %) [3. С. 73]. Падение цен на энергоносители ещё более подорвало и без того шаткую экономическую и социальную стабильность. В итоге Кемеровская область по многим социально-экономическим показателям уступала соседним регионам.

Финансово-экономический кризис 1998 г. ускорило обострение проблем в народном хозяйстве Кузнецкого края, которые накапливались на протяжении всего периода «шоковой терапии». В первую очередь была подорвана стабильность угольной промышленности. В процессе рыночных реформ государство предоставило горнякам широкую экономическую свободу. Однако жёсткая конкуренция на энергетическом рынке России (и даже Сибири) не позволила сделать шахты Кузбасса процветающими, а шахтёров богатыми. Угольная промышленность на протяжении этого периода показывала отрицательную динамику как по количественным, так и по качественным показателям. В числе причин неэффективного развития стратегически важной для региона отрасли являлись ошибки, просчёты и коррупция, имевшие место в процессе реструктуризации «бесперспективных» шахт. Шахтёрские деньги растворялись благодаря их нецелевому использованию, деятельности всевозможных посреднических структур, неэффективной организации управления отраслью и отсутствию прозрачности в финансовой деятельности предприятий. Профсоюзы оказались не готовы отстаивать права горняков в новых рыночных условиях. В результате летом 1998 г. угольная промышлен-

ность Кузбасса оказалась в катастрофическом положении.

Высокая зависимость многих предприятий и организаций края от ослабевающей угольной отрасли автоматически осложнила деятельность всех сегментов региональной экономики. В первую очередь это почувствовали машиностроительные заводы, которые уже с 1992 г. стали постепенно перестраиваться на выпуск горношахтного оборудования [4. С. 21]. Снижение спроса на машиностроительную продукцию со стороны шахт и разрезов в 1998 г. снизило и без того низкий уровень капиталовложений в данную отрасль.

Серьёзные проблемы в машиностроении являлись следствием того, что большинство предприятий данной отрасли в советское время относились к военно-промышленному комплексу. Как свидетельствует мировой опыт, даже при оптимальных темпах конверсии (5...7 % снятия военных заказов в год) её осуществление связано с большими сложностями [5. С. 52]. В России закон о конверсии, предусматривавший помощь государства в реорганизации, фактически не был реализован, что особенно было очевидно в 1998 г. В итоге, например, на Юргинском машиностроительном заводе (ранее известном на всю страну предприятия ВПК) уровень производства в этом году составлял всего 14 % от уровня 1990 г. [6. Л. 213]. Подобная ситуация была характерна и для соседних регионов, например, Томской области [7. Л. 21]. Однако «Юрмаш» как и многие другие депрессивные предприятия Кузнецкого края являлись градообразующими.

Попытки машиностроительных заводов Кузбасса войти в стратегический список военно-промышленного комплекса и получить госзаказ в кризисный 1998 г. оказались безуспешными. В опубликованном в начале этого года перечне из 670 заводов кузбасских предприятий, ранее входивших в сферу ВПК российского государства, не оказалось [8. С. 16]. В данный список вошли, в основном, крупнейшие заводы центральной части страны наиболее близкие к столице. Следовательно, руководителям машиностроительных предприятий края приходилось рассчитывать только на собственные силы, «старые связи» и изменение отношения Правительства страны к главной отрасли промышленности.

В других отраслях промышленности Кузбасса положение было не лучше, а порой и хуже. Анализ источников и литературы показал, что главными причинами низкой рентабельности производства на заводах и фабриках области накануне кризиса являлись такие как: существенное отстранение государства от решения экономических вопросов; тяжёлое бремя налогов; значительный уровень энергозатрат; высокий уровень бартерного расчёта, определяющий высокие закупочные цены на материалы, покупные и комплектующие изделия; технологии, созданные только для производства продукции ВПК; слабая производственная и техноло-

гическая дисциплина; низкий уровень объёма производства, объективно приведший к перекосу структуры численности промышленно-производственного персонала; недостаточная проработка вопроса о привлечении средств иностранных инвесторов.

При ярко выраженной зависимости ситуации от государственной поддержки по отдельным позициям заводы и фабрики всё же имели возможности для повышения эффективности производства. Думается, немаловажной причиной, сдерживавшей развитие, являлось и отсутствие в достаточной степени «рыночного мышления» на всех уровнях сверху донизу, а также самоуверенностью в том, что государство помнит былые заслуги прославленных предприятий и «никогда не бросит» их.

В 1998 г. на заводах и фабриках всё чаще останавливались отдельные цеха, сокращалась численность рабочих, месяцами задерживалась зарплата, трудящиеся переводились на ограниченную рабочую неделю и выходили в вынужденные отпуска. Администрация предприятий и организаций пыталась различными способами выйти из сложного положения, снять социальную напряжённость среди рабочих. Так, например, широкое распространение получила в Кузбассе, очень популярная в то время во всей стране, талонная система расчёта. На талоны трудящимся можно было купить продовольственные и промышленные товары в магазинах, которые находились на территории предприятий и организаций. Однако эта продукция имела незначительный ассортимент и стоимость, превышающую рыночную.

В очень тяжёлом положении в это время оказались и селяне Кемеровской области. Основная их часть в 1990-е гг. забыла, что такое зарплата, и жила за счёт натурального хозяйства. Во время кризиса 1998 г. упали цены на сельскохозяйственное сырьё и возросли цены на технику и горюче-смазочные материалы. Вследствие чего базовые крестьянские хозяйства несли ещё более ощутимые убытки, росла их задолженность перед бюджетом и работниками.

Кризисные явления не обошли и частное предпринимательство. Ухудшение делового климата в стране накануне и во время кризиса нашло отражение и в Кузбассе. В регионе прекратился рост численности малых предприятий, уменьшился их среднесписочный состав [9. С. 78]. Мелкий и средний бизнес был особенно слаб в малых городах Кемеровской области.

Серьёзный урон экономике региона наносила набиравшая обороты преступность. В центре внимания преступников была угольная промышленность, которая являлась наиболее доходной и слабо проверяемой. В 1998 г. уже около полутора десятка организованных преступных групп контролировало свыше половины сбыта кузбасского угля [10. С. 20]. Характеризуя в это время ситуацию в угледобывающей промышленности, отдельные эксперты отме-

чали, что «даже при минимальном государственном дотировании она могла бы выбраться из ямы собственными силами, если бы не коррупция, охватившая руководство угольных объединений и шахт» [11. С. 13].

Социально-экономическая обстановка в 1998 г. осложнялась и тем, что Кемеровская область относилась к депрессивным регионам страны и во многом зависела от государственных дотаций. При этом с 1992 по 1997 гг. господдержка предприятий и организаций Кузбасса сократилась в 4 раза [12. С. 17]. Шахтёрский край не только не получал какой-либо дополнительной помощи, но и имел значительное недофинансирование запланированных средств из государственного бюджета. В 1998 г. министерство финансов планировало выделить Кемеровской области 5 млрд р, но в федеральном бюджете было утверждено всего 1,5 млрд р [4. С. 33]. В то же время, по подсчётам Е.Т. Гайдара, в открытом бюджете столицы на тот момент имелось «в три раза больше средств, чем надо» [10. С. 17]. Данный дисбаланс бюджетного финансирования ещё более обострял отношения между центром и регионами.

Неэффективный курс развития народного хозяйства и серьёзное падение промышленного производства подорвали социально-экономическую стабильность. Статистические данные указывают на то, что в 1998 г. реальные денежные доходы в регионе на 34,5 % снизились по сравнению с предыдущим годом, и по этому показателю, Кемеровская область уступала многим соседним субъектам Российской Федерации [13. С. 144]. В наиболее трудном положении оказалась «рабочая элита» Кузнецкого края – шахтёры. «Реструктуризация» угольной отрасли, прежде всего, реструктуризировала шахтёрскую зарплату. В течение 1998 г. инфляция в регионе опережала рост заработной платы примерно на 80 % [4. С. 24].

Низкую заработную плату ещё и не вовремя выплачивали. Рост задолженности по зарплате имел место фактически во всех предприятиях и бюджетных организациях области. Высокая задолженность имела и по пенсионному обеспечению, хотя и в меньших объёмах. Государственные и негосударственные институты оказались не в состоянии вовремя выплачивать сотрудникам заработную плату. При этом государству было невыгодно и опасно ликвидировать эту задолженность, так как запасы товаров в розничной торговле в силу резкого падения объёмов производства в промышленном секторе экономики, к примеру, в 1997 году равнялись лишь 38 трлн р при общем долге по обязательным выплатам населению около 70 трлн р [4. С. 32].

Смена Правительства в марте 1998 г. показала, что преодоление невыплат отнюдь не рассматривается политическими и хозяйственными элитами в качестве первостепенного приоритета. Весной на протяжении многих недель, пока шла борьба вокруг формирования нового Правительства, фактически никто не уделял внимания задержкам выплат

заработков и пенсий. И уже летом 1998 г. имел место пик задержек заработной платы в течение всех 1990-х гг., в том числе и Кузбассе [14. С. 293–296].

Низкий уровень зарплаты, её нерегулярная выплата, а также отсутствие каких-либо серьёзных форм социальной поддержки населения привели к резкому обеднению большинства кузбассовцев. В 1998 г. жители региона стали ещё больше потреблять хлеба и картофеля и гораздо меньше мясных и молочных продуктов [2. С. 429]. Особенно непросто было рабочим, испытывавшим тяжелые физические нагрузки. В это время трудящиеся часто спасались за счёт пенсий дедушек и бабушек, а также профсоюзных денег, на которые кормили наиболее нуждающихся работников. Посильную помощь «неплатежеспособному» населению оказывали и наиболее отзывчивые предприниматели [4. С. 26].

Необычайно тяжелым экономическим и психологическим ударом для многих россиян стала безработица. В 1998 г. явная и скрытая безработица в Кемеровской области ещё более возросла и уже превышала 15 % [4. С. 25]. Самым печальным являлось то, что большую часть безработных составляла молодёжь. Многие юноши и девушки покидали шахтёрский край в надежде трудоустроиться в крупных и перспективных городах России. Часть же безработной молодёжи «искала выход» в криминальной деятельности, алкоголе и наркотиках.

Всё же главным негативным результатом кризиса 1998 г. в социальной сфере стало увеличение темпов естественной убыли населения Кемеровской области.

Сложившаяся в стране и регионе обстановка вынуждала голодных людей идти на крайние меры: забастовки, пикеты, голодовки, блокирование дорог и другие. Весной 1998 г. по Кузбассу прокатилась новая волна забастовок, предопределившая масштабность протестного движения и распространение «рельсовой войны». Основной причиной забастовок и других протестных действий в регионе и стране являлась несвоевременная выплата заработной платы [15. С. 68]. И если в 1989 г. забастовщики края ратовали за самостоятельность, то в 1998 г. они требовали государственной заботы и поддержки.

Накануне крупномасштабной «рельсовой войны» исполнительная власть страны попыталась успокоить шахтёров, снять социальную напряжённость в обществе. Так, например, 8 мая 1998 года вышел Указ Президента РФ Б.Н. Ельцина «О мерах по стабилизации социально-экономической обстановки в угледобывающих регионах», который планировал существенно усилить финансирование угольной отрасли [4. С. 38–39]. Однако данный шаг руководителя государства стал очередным обещанием и не остановил голодных людей от радикальных мер. Уже в середине мая горняки Воркуты и Инты стали готовиться к «походу на Москву». Шахтёрские лидеры, не безосновательно, надеялись, что эту акцию поддержат во всех угледобы-

вающих регионах страны [4. С. 39]. И их надежды вскоре оправдались, особенно в Кузбассе.

Таким образом, обострение социально-экономической обстановки в Кузбассе в 1998 г. вызвало вполне закономерную реакцию со стороны большинства его граждан – активизацию протестного движения. Вместе с тем, Кемеровская область оказалась в более тяжёлом экономическом и социальном положении в сравнении с другими, в том числе соседними, регионами. Это обусловило быструю радикализацию требований, форм и методов борьбы трудящихся и пенсионеров. И уже в мае 1998 г. Кузнецкий край стал лидером новой Всероссийской акции протеста, получившей название «рельсовая война». Социальной базой пикетчиков Транссибирской железнодорожной магистрали стали шахтёры и машиностроители. При этом необычайно высокую активность показали также и пенсионеры.

Наряду с вышеуказанными причинами проследивается и искусственный фактор обострения социально-экономической и политической напряжённости в крае. Забастовочное движение горняков было выгодно руководству предприятий газовой промышленности, чьи интересы более активно поддерживались Правительством РФ. Ухудшение стабильности в угольной отрасли укрепляло конкурентные преимущества предприятий газовой промышленности на энергетическом рынке России. Поэтому Губернатор Кемеровской области А.Г. Тулеев оперативно изменил своё отношение к акции: от пассивной критики к активным действиям по прекращению. А выход из сложившейся ситуации областное руководство видело в расширении экономической самостоятельности региона.

Несмотря на то, что не все лозунги Всероссийской акции протеста удалось реализовать, данное событие стало ярким эпизодом в общественно-политической жизни страны всего последнего десятилетия XX в. Рост социальной напряжённости в стране в мае – июле 1998 г., особенно в угледобывающих регионах, безусловно повлиял на позицию Правительства в отношении своих социальных обязательств. И конечно стал одним из факторов отказа Правительства от условий погашения ГКО-ОФЗ в августе этого года. Финансовый дефолт ещё больше усугубил социально-экономическую и политическую стабильность, инициировал смену Правительства и выработку новой парадигмы развития народного хозяйства России.

Кузбасс, как и фактически все другие субъекты российского государства, вышел из кризиса с серьёзными социально-экономическими потерями. По сравнению с предыдущим годом в 1998 г. в регионе существенно снизились показатели по объёму промышленной и сельскохозяйственной продукции, а также инвестициям в основной капитал и доходам консолидированного бюджета. В то же время, в полтора раза вырос индекс потребительских цен, и повысилась зависимость от ввоза

сельскохозяйственной продукции [16]. Требовались серьёзные меры поддержки отраслей экономики края со стороны федерального центра.

Действительно, процесс выхода Кузбасса из кризиса 1998 г. во многом стал следствием изменения экономического курса Правительства Е.М. Примакова. Уже осенью этого года наблюдался переход от крайне либеральной экономической политики к более активному государственному вмешательству в хозяйственную жизнь. Длительный период спада в российской промышленности сменился относительным подъёмом производства, что положительно отразилось и на решении хозяйственных задач Кузнецкого края. Правительство РФ принялось более ответственно относиться к взятым на себя обязательствам и изыскивать возможности для ликвидации задолженностей перед бюджетниками. Государство стало активнее защищать интересы трудящихся и пенсионеров. Так, например, усилилась борьба с экономическими преступлениями, в том числе и по предотвращению умышленного банкротства предприятий. Изменилась нормативно-правовая база трудового законодательства, появилось наказание за задержку заработной платы. А в начале 1999 г. Правительство РФ впервые профинансировало угольную промышленность Кузбасса в достаточном объёме, увеличив вдвое финансирование отрасли. Благодаря целенаправленным действиям исполнительной власти страны, в регионе началось строительство новых угледобывающих предприятий, были выделены деньги на снос ветхого и строительство нового жилья и т. д.

Между тем процесс выхода Кузбасса из кризиса 1998 г. имел свои особенности: увеличилось финансирование из федерального бюджета; Правительство РФ, по соглашению с областной Администрацией, стало обеспечивать наиболее депрессивные и, в то же время, градообразующие предприятия края постоянными госзаказами на изготовление продукции; укрепилось взаимодействие между федеральными, региональными и муниципальными органами исполнительной власти; в наиболее депрессивные предприятия и организации стали поступать региональные заказы; ужесточился контроль над распределением финансов в области; предприятиям предоставлялись налоговые льготы, выделялись денежные ссуды, оказывалась помощь в обеспечении сырьём и материалами; вводились в эксплуатацию новые шахты и разрезы, что позволило существенно увеличить количество новых рабочих мест; на уровне муниципалитетов стали реализовываться программы поддержки малого предпринимательства; успехи в развитии промышленности позволили улучшить инвестиционную привлекательность края.

Кризисные явления в 1998 г. и в современной экономике Кузбасса имеют как общие, так и отличительные черты. К общим характерным чертам следует отнести следующие: до сих пор имеет место

дисбаланс бюджетного финансирования; не ликвидирована высокая зависимость многих предприятий и организаций края от угольной отрасли; сохраняется технологическая отсталость предприятий сферы материального производства и слабость реального сектора экономики; неизменным остаётся высокий уровень социальной дифференциации.

Между тем, кризис 1998 г. отличается от современных кризисных явлений в народном хозяйстве Кузнецкого края. Он был порождён внутренними причинами, главным образом слабостью власти, не способной проводить ответственную макроэкономическую (прежде всего бюджетную) политику. И не имеет того системного характера, в отличие от современного экономического кризиса. В стране не было экономической «подушки безопасности», которая могла бы хоть как-то компенсировать по-

тери в регионах. При этом имела высокая внешняя задолженность государства, а не коммерческих структур как, например, сегодня. Одиннадцать лет назад была подорвана стабильность, прежде всего, в депрессивных регионах. Безусловно, значительно выше был уровень коррупции в экономической сфере.

Анализ кризисных явлений 1998 г. в экономике Кузбасса позволяет выделить некоторые уроки. Во-первых, очевидна важность диверсификации экономики, особенно для малых городов. Во-вторых, этот кризис показал необходимость укрепления банковской системы на региональном уровне. В-третьих, несомненна и слабость отечественной экономической теории, особенно в части её регионального аспекта.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Федерального агентства по образованию № П657.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Навой А. Российские кризисы образца 1998 и 2008 годов: найдены 10 отличий // Вопросы экономики. – 2009. – № 2. – С. 24–38.
2. Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т. 1. – М.: Госкомстат России, 2000. – 604 с.
3. Общественная палата Кемеровской области: десятилетний опыт формирования гражданского общества. – Кемерово, 2004. – 151 с.
4. Соловенко И.С., Епифанцев К.В. «Рельсовая война» в Юрге в 1998 году. – Томск: Изд-во ТПУ, 2009. – 135 с.
5. Артюхов В.И., Колобов А.А., Сажин Ю.Б., Степанов А.Е. Методологические вопросы реализации процесса конверсии в некоторых зарубежных странах // Вестник машиностроения. – 1998. – № 5. – С. 52–59.
6. Муниципальный архив муниципального образования «Юргинский городской округ». Ф. 7. Оп. 1. Д. 176.
7. Государственный архив Томской области. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 1460.
8. Беккер А. Шаткий тыл российской «оборонки» // Московские новости. – 1998. – № 4 (1–8 февраля). – С. 16–17.

9. Никифоров О.А. Развитие малого предпринимательства в Западной Сибири (1990–1999 гг.). Дис. ... докт. ист. наук. – Красноярск, 2004. – 472 с.
10. Гайдар Е.Т. Почему в Москве жить хорошо // Московские новости. – 1998. – № 7 (22 февраля – 1 марта). – С. 17–18.
11. Бальбуров Д. Куда уходят деньги // Московские новости. – 1998. – № 4 (1–8 февраля). – С. 13–14.
12. Тулеев А.Г. Кузбасс. Сибирь. Россия... – Кемерово, 2002. – 380 с.
13. Российский статистический ежегодник: Стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2000. – 642 с.
14. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. Т. 2: Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработки, потребление. – М., 2001. – 512 с.
15. Анисимова Г.В. Оплата труда и забастовочная активность трудящихся в 1990–2000 годы // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. – М., 2004. – С. 13–18.
16. Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т. 2. – М.: Госкомстат России, 2001. – 827 с.

Поступила 23.11.2009 г.